

И. З. Зубец**Русская прялка: народные христианские представления о времени и пространстве**

В статье рассматривается уникальная прялка с изображением календаря. Сопоставление его с другими предметами, как бытовыми, так и культовыми (вышитыми полотенцами, резными деревянными досками, народным лубком и иконой), позволяет охарактеризовать христианские компоненты в народных представлениях о времени и пространстве.

Ключевые слова: народная культура, пространство, время, календарь, христианские представления, прялка, лубок, духовные стихи, крест, распятие, двенадцать апостолов.

I. Z. Zubets**Russian Distaff: National Christian Representations about Time and Space**

The article considers a unique distaff with the pictures of a calendar. Its comparison with the other articles of everyday necessities and items of worship – embroidered towels, carved wooden boards, primitive folk drawings and icons – lets us define Christian components in folk ideas about time and space.

Keywords: National culture, space, time, calendar, Christian ideas, spinning wheel (distaff), primitive folk, spiritual verses (ecclesiastical verses), cross, crucifixion, twelve apostles.

Известно, что прялка в народной культуре являлась предметом, выделяющимся особой значимостью. Она воплощала в себе множество символических смыслов, среди которых мироустроительные, космологические, пространственно-временные.

На их формирование на Руси оказали влияние не только мифологические представления, но и православные традиции. Именно они предопределили духовно-смысловые устои национальной культуры, в которой древние обычаи получали христианское освящение. Так, вся последовательность сельскохозяйственных работ в носившей преимущественно аграрный характер русской народной культуре связывалась с именами святых, с христианскими праздниками.

О восприятии народом времени в православном аспекте свидетельствует такая составляющая русского фольклора, как духовные стихи, наиболее последовательно раскрывающие национальное религиозное мировоззрение. Начало времени в них велось с сотворения мира, а преломление его – на Страшном Суде. Значимым в хронотопе становится ориентир не только на сакральность, но и на линейность, привнесенную в мировоззрение христианством, мыслящим движение времени как прямой путь от Сотворения к Искуплению.

Представления о хронотопе и космогонии, отражающие сначала мифологические идеи, начинают с древнейших времен, наряду с календарно-

обрядовыми символами, воспроизводиться в различных образных формах, в частности, на керамических сосудах [11].

Изображения, воплощающие проблемы мироустройства, хода времени, обретают актуальность и в средневековой Европе, России, но теперь их задача – передать христианские идеи. Так, на Руси во второй половине XVII в. эти вопросы стоят необычайно остро, в росписях папертей и храмовых икон широко распространяются сюжеты творения мира. Псалтири, Святцы и Синодики используют сюжет «Времена года», передавая в аллегорической форме важнейшие нравственно-философские идеи. В XVII–XVIII веках эта тема становится популярной в росписи по дереву, одним из выдающихся памятников которой является уникальное расписное блюдо, хранящееся в ГИМе [9].

Тема находит отражение и на народных бытовых вещах. Как правило, для этого использовались такие предметы утвари, которые выделялись особо высоким семантическим статусом и имели сакральное значение, – прялки, полотенца. Например, на Русском Севере бытовали полотенца с календарями-месяцесловами, вышитыми в виде причудливых кругов [7, с. 141]. Месяцы в них представляют собой сегмент спирали, внутри помещена розетка, каждый из двенадцати лепестков которой соответствует определенному месяцу, расположенному, начиная с января, по часовой стрелке. На внешней стороне месяца –

различные символические фигуры, отмечающие важнейшие сельскохозяйственные даты славянского календаря.

Иное, уникальное в своем роде изображение, выполняющее назидательную функцию, подобно настенным народным картинкам – лубкам, помещено на вологодской прялке и содержит отражение представлений о времени и пространстве. Оно выполнено в виде концентрической окружности, поделенной на двенадцать секторов, в которых находятся начальные буквы названий месяцев: «Е», «Ф», «М» и т. д. В центре расположено изображение голгофского восьмиконечного креста – символа искупительной жертвы Христа. По его сторонам помещены орудия страстей – копие и трость с губкой, рассматривая символику которых известный исследователь древнерусского искусства С. В. Гнутова приводит слова Симеона Полоцкого: «Для меня хороша и трость, которая написала // спасение мое на кресте, а грехи стерла...». «Копье для защиты охотно принимаю, // которое над дьяволом и смертью торжествует...» [3].

Кроме сакрального православного, изображение на прялке содержит и образы народного христианства (термин введен профессором Т. А. Бернштам) [1]. Это стилизованные парные фигуры птиц, указывающие на определенные, расположенные по вертикальной оси пространственные координаты. Первая, верхняя, пара – петушки. Известно, что петух почитался на Руси как птица вещая, прогоняющая мрак ночи и приветствующая восход солнца, по традиции связывался с верхним миром. По крику петуха крестьяне определяли время, считали также, что петушиный крик отгоняет нечистую силу, поэтому уподобляли его колокольному звону к заутрене.

В каноническом христианстве образ петуха обладает богатой парадигмой смыслов. Он символизирует, по ассоциации с апостолом Петром, человеческую слабость и покаяние, страсти Христовы и Воскресение. Петух – как символ бдительности, живой веры, напоминая о троекратном отречении апостола Петра и относясь к орудиям страстей Христовых, становится типичным элементом иконографии крестов. Сакральная символика образа петуха раскрывается в евангельском тексте: «Итак, бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру» [Марк. 13:35].

Нижняя пара – утки. Утки, водоплавающие птицы играют в русской фольклорной традиции исключительную роль, маркируют в обрядовых песнях сферу сакрального [8, с. 108–119], связы-

ваются с нижним миром, с тем светом, символизируют одну из главных стихий мироздания – море, воды мирового океана, окружающие Землю. Вместе с тем, по народным представлениям, утка (гагара) вместе с Господом участвует в создании земли, которую она приносит со дна во имя Божье.

Кроме того, в центре нижней части, между утками, появляется такой важнейший в народных христианских представлениях сакральный символ, как горка, направляющая интерпретацию изображенного на прялке календаря. Она может быть трактована как известная по духовным стихам и заговорам Фавор, Сион, Афон-гора, Голгофа, или мифологический Бел-горюч камень Алатырь. Их семиотическая функция – быть границей между мирами, а местоположение – среди моря-океана.

В русском фольклоре камень алатырь обозначает сакральную ось, становясь эквивалентом мирового древа, служит подножием Господу и утверждением веры: «На белом Латыре на камени / Беседовал да опочив держал / Сам Исус Христостос... со апостолами...» [4, с. 38]. Известный исследователь духовных стихов Г. П. Федотов в строке «утвердил он веру на камени» [12, с. 31] видит отражение песни канона: «На камени мя веры утверди» [12, с. 35].

Народная христианская сущность камня Алатырь обуславливается соотносительностью с престолом алтаря, самым сакральным локусом храмового пространства. Символика камня, острова определяется как вечный источник всякой жизни, аналог вырия-рая [6]. Относительно семантического содержания этих образов большинство современных исследователей сходятся во мнении, что это «сакральный пространственный и временной центр» [6].

Если тексты духовных стихов могли стать литературными источниками на композиции прялки, то в поисках изобразительных следует обратиться к двум группам памятников. Первая – это народные резные деревянные доски с восьмиконечным голгофским крестом в круге или под сенью куполов, изготавливавшиеся в XVIII–XIX вв. в Выговской пустыни для освящения и охраны хозяйственных построек и использования в качестве надгробных, а также лубки с изображением знаков зодиака и сюжетом Распятия [2. Кат 19].

Вторая – это сакральный предмет из иной среды – икона, сама возможность сопоставления с которой обусловлена высоким семиотическим статусом прялки в народной культуре, где она также наделялась сакральными качествами. Ико-

на «Распятие с апостольскими страданиями», хранящаяся в собрании музея-заповедника «Московский кремль» [10], – аллегорический образ, в котором присутствует космическая символика и глубокий философский смысл, оказывается довольно близкой по композиционному решению резьбе на прялке.

Несмотря на то, что прямые аналогии в изображениях однозначно отсутствуют, используются различные средства создания образа, тем не менее, просматриваются соотношения как в структурном расположении отдельных мотивов, так и в их семантике. Во-первых, основную площадь доски на обоих предметах занимает концентрический круг, который является структурообразующим началом, определяющим весь строй изображения, – это символ беспредельности, космоса, вечности, времени, это та «круговая черта по лицу бездны» [Пр. 8: 27], которая предшествовала творению. Сам календарь, пришедший на Русь из Византии, назывался «Миротворным кругом».

Во-вторых, в обоих изображениях важную роль играет «вертикальный стержень, отвечающий принципу сакральной иерархии небесного верха и земного низа» [14]. Кроме того, двенадцать апостолов на иконе, расположенных по кругу, в соответствии с христианской традицией семантически синонимичны размещенным на прялке аналогично двенадцати месяцам и часам [14] – идея соответствия числа временных интервалов с учениками Спасителя в христианской культуре имела воплощение: изображения апостолов нередко помещали на циферблаты часов. Пространственно-смысловые центры изображений – распятие на иконе и голгофский крест на прялке, как корреляты – также легко соотносимы.

Сопоставимость отдельных элементов композиции на иконе и прялке указывает на то, что близкой должна быть и интерпретация изображений. На прялке она может быть следующей: поскольку календарь – это способ исчисления времени, а время – понятие онтологическое и не существует отдельно от понятия пространства, космоса, весь рисунок – это образ мироздания, мира Божьего.

Крест, находящийся в центре и ассоциирующийся в христианстве с «древом жизни, насажденным Богом в раю, предизобразившим этот честный крест» [5, с. 288], предстает как основополагающая идея образа мира, победы над смертью, пересечения Небесного и Земного. «Как четыре конца креста держатся и соединяются его средоточием, так и силою Божией удерживается высота и глубина, долготы и широта, то есть вся

видимая и невидимая тварь» [5, с. 214]. Поскольку среди православных была широко известна формула «Крест хранитель всей вселенной», такое его изображение может утверждать во всем мироздании радостные события пришествия Спасителя. Следовательно, человеческая жизнь приобретает смысл вечности.

Крест структурирует пространство и время четырьмя своими осями. Расположение месяцев года в виде часового циферблата также символично и соответствует как главным солнечным позициям, так и дням рождения Спасителя, Богородицы и Иоанна Предтечи. Трех часам, восточному направлению оси соответствует март; шести часам, нижнему концу – летний солнцеворот, Рождество Иоанна Предтечи, июль; девяти часам, западному направлению оси – Рождество Богородицы, осеннее равноденствие, сентябрь. Наиболее сакральная и высокая по оси точка пространства соответствует двенадцати часам, зимнему солнцевороту, Рождеству Спасителя, стыку декабря и января. Эта дата, рубеж года, на прялке особо отмечена фигурой из треугольников.

Таким образом, на примере рассмотренной композиции оформления прялки можно говорить о том, что на русских бытовых предметах находят репрезентацию народные христианские представления. Они отражаются в таком важнейшем христианском символе, определяющем весь строй космоса, как голгофский крест, искупительная жертва Христа, а также в пространственных (небо, море, крест, камень, вертикальная ось восхождения человеческой души) и временных параметрах, ориентированных на важнейшие православные праздники. Все это свидетельствует о том, что в среде русского населения в XIX в. именно христианство становится важнейшей базой, формировавшей представления о хронотопе.

Библиографический список

1. Бернштам, Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян [Текст]: учение и опыт Церкви в народном христианстве / Т. А. Бернштам. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 400 с.
2. Веретенова, Ю. В. Русский религиозный лубок из собрания Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника [Текст] / Ю. В. Веретенова // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г. В. Судаков, сост. С. Тихомиров. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 838 с.

3. Гнутова, С. В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX вв. [Текст] / С. В. Гнутова // Филевские чтения. Вып. V. – М., 1994. – С. 68–86.
4. Голубиная книга [Текст] // Из кладовых мировой поэзии. Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. – М.: Московский рабочий, 1991. – 347 с.
5. Дамаскин, И. Точное изложение православной веры [Текст] / И. Дамаскин. – СПб., 1894. – Репринт. – М.: Лодья, 2002. – 465 с.
6. Денисова, И. М. Образы острова и камня в русской фольклорной традиции: поиски семантических истоков [Текст] / И. М. Денисова // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 5. – С. 76–92.
7. Дурасов, Г. П. Каргопольские народные вышивки-месяцесловы [Текст] / Г. П. Дурасов // Советская этнография. – 1978. – № 3. – С. 139–148.
8. Жарникова, С. В. Образы водоплавающих птиц в русской народной традиции (Истоки и генезис) [Текст] / С. В. Жарникова // Культура Севера. – Вологда, 1994. – С. 108–119.
9. Жижина, С. Г. Сюжет «Времена года» в росписи по дереву XVII–XVIII веков. Истоки и традиции [Текст] / С. Г. Жижина // Народное искусство. Материалы и исследования: сб. статей / составитель И. Я. Богуславская. Вып. II. – СПб., 2004. – С. 21–28.
10. Звездина, Ю. Н. Тема времени и образы апостолов в культуре XVII века [Текст] / Ю. Н. Звездина // Искусство христианского мира: сб. статей. Вып. 4. – М.: ПСТБИ, 2000. – С. 285–295.
11. Рыбаков, Б. А. Календарь IV в. из земли Полян [Текст] / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1962. – № 4. – С. 66–89.
12. Федотов, Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам [Текст] / Г. П. Федотов / вступ. ст. Н. И. Толстого; послесловие С. Е. Никитиной; подготовка текста и коммент. А. Л. Топоркова. – М.: Прогресс – Гнозис, 1991. – 192 с.
13. Черных, А. В. Традиционная календарная обрядность русских Прикамья в конце XIX – середине XX в. (региональный аспект праздничной культуры) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.07 / А. В. Черных. – Новосибирск, 2008. – 71 с.
14. Чубинская, В. Г. Икона «Распятие с апостольскими страданиями» 1697–1699 годов. Симвоико-аллегорический замысел в контексте исторических событий [Текст] / В. Г. Чубинская // Петр Великий – реформатор России / отв. ред. Н. С. Владимирская: материалы и исследования / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль». – М., 2001. – С. 144–159.